

Николай ГЛУМОВ

**ДОРОГАЯ
РОССИЯ...**

*Посвящаю эту книгу жене Татьяне,
любимой и единственной
в моей жизни*

Издание поэтической книги
«Дорогая Россия...»
Николая Николаевича Глумова
и подготовка её электронной версии
осуществлены при содействии
Пермской краевой общественной
(профессиональной) организации
Союза писателей России
и литературно–исторического журнала
«ВЕЛИКОРОССЪ» (velykoross.ru).

Николай ГЛУМОВ

ДОРОГАЯ РОССИЯ...

«Литератор Прикамья»

2024

УДК 88.2
ББК 84(2Рос-Рус)6
Г 55

Глумов Николай Николаевич

Г55 Дорогая Россия...: сборник стихотворений / Худож. А. Кутергин. — Пермь: Литератор Прикамья, 2024. — 112 с.: ил.
ISBN 978-5-6048219-7-8

В представленной на читательский суд поэтической книге «Дорогая Россия...» автор предпринял попытку оглянуться на пройденный его Родиной за последние тридцать лет путь. Удалась ли ему эта попытка? Вместе с автором посмотрим на след от этих тридцати лет в душах сограждан, в нашей душе, душе дорогой России...

Для читателей старше 16 лет.

ISBN 978-5-6048219-7-8

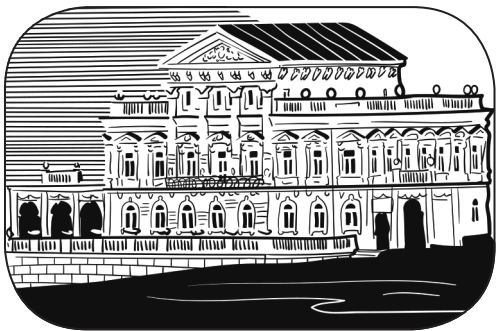
УДК 88.2

ББК 84(2Рос-Рус)6

© Н. Н. Глумов, стихи, 2024
© А. В. Кутергин, иллюстрации, 2024
© ПКОО Союз писателей России, 2024

МЕШКОВСКОМУ ДОМУ

О, этот сказочный и страстный
Большой дородный пермский дом!
Он был воздвигнут не напрасно,
Жизнь не напрасно билась в нём.

Балы, собрания и расстрелы,
Кадеты и большевики —
Он был всегда загружен делом,
Он не испытывал тоски.

И став теперь большим музеем,
И просвещая наш народ,
Он ни о чём не сожалеет,
Вперяясь взором в лоно вод.

* * *

Не надо про Гамлета бредни,
Когда кислорода в крови
Хватает на самый последний
Мне в сторону шаг от любви.
Не надо, не надо, не надо
Про ваших поэтов в соплях.
Я снайпер из заградотряда*,
На вас нагоняющий страх.

* * *

За Лениным вслед повторяю —
Слагаю для Родины дом.
Кто будет в нём счастлив — не знаю,
Но дело поэта в другом:
Чтоб пряничный домик среди чащи
По-прежнему русских манил,
Чтоб самый голодный, пропащий,
Как пряник, в нём смерть находил.

* Заградительные отряды — воинские подразделения, основной целью которых было предотвращение бегства с поля боя и отступления войск.

* * *

Большие звёзды небосклона
Господни ангелы зажгли.
России белые знамёна
Пройдут, как красные прошли.
И будет осень. Будет слякоть.
И всё пройдёт, и Русь пройдёт.
Остатки русских будут плакать
Под небосводом несвобод.

* * *

Старый набитый дурак,
Что же ты сделал с собою!
Русь твоя выглядит так —
Страшно бывает порою.
Ты всё равно сочиняй
Строчку от вздоха до вздоха,
Всё ж и тебя, негодяй,
Ногтем раздавит эпоха.

* * *

Отныне Русь исполнена чудес
Из недоступных иностранцам знаков.
Поэт и мент несут в ней равный крест,
Их путь по жизни прост и одинаков.

Они творят, не ведая преград:
Один из слов, другой из междометий.
Они употребляют даже мат
И радуются утру, словно дети.

Их ни Устав, ни гений не спасут,
Им от судьбы начертанной
не скрыться.

Они не лечатся,
они в свой срок умрут,
Но с ними вновь Россия народится.

* * *

Никола. Царица. Княжны.
Ипатьевский дом среди города.
Мы каяться вечно должны,
Носить допетровские бороды.

А я говорю: «Всё не так!»
А я говорю: «На-ка, выкуси!»
Нет, русский мужик не дурак,
Что поросль дворянскую выкосил.

Иосиф. Гулаг. Красный стяг.
Летит паровоз сквозь пожарища.
Нет, русский мужик не дурак,
Что взял комиссаров в товарищи.

Русь-тройка летит сквозь века!
В сторонку, Европа и Азия!
И радостны песнь ямщика
И мат его до безобразия.

* * *

Сквозь мрак,
 сквозь свет,
 сквозь снег,
 сквозь гром
Окрестностью родного края
Шагает русский, как закон,
И ничего не понимая.

Как беспощаден русский путь!
Как кремний под ногой блистает!
Побудешь русским хоть чуть-чуть,
Что ничего не понимает?!

Я б тему развивать не стал,
В ней ничего не понимая,
Шагает с русским либерал
Окрестностью родного края.

* * *

Дождь резвится с прогнившею рамой.
Ветр берёт фонари на прицел.
Своей жизни прекраснейшей самой
Прокурору открылся предел.

Мир предстал ему в истинном свете,
Но гордыню смирить не дано.
И сидит он в своём кабинете,
И глядит он на осень в окно.

Там, за рамой, свет истины вечной,
Но попробуй туда преступить!
Прокурор он хороший, конечно,
И ему надо с кем-то дружить.

СТРАХ И КНИППЕР

Я лежал в тяжёлом гриппе.
Я забылся тяжким сном.
Вдруг увидел — Чехов. Книппер.
Ялта. Горы. Белый дом.

Чехов с Книппер был любезен.
Чехов водкой угощал.
Благодушно-бесполезен
Разговор его звучал.

Книппер Чехова пилила.
Повторяла: «Ты устал».
Вопрошала: «Где же сила?
Где великий идеал?»

Чехов Книппер не перечил.
Чехов водочку допил.
Обнял Оленьку за плечи.
Встал. По дому заходил.

Разговор их продолжался
С половиной два часа.
Вдруг цензуры гром раздался
И разверзлись небеса.

Делать нечего. Умолкла.
Постояла пред окном.
Дождик горько стучал в стёкла,
Словно Горький босяком.

Я очнулся в страшном гриппе...
Дождик плакался в окно.
Где же Чехов? Где же Книппер?
В Ялте, но... давным-давно.

* * *

День вызывающе хорош,
Как будто Пушкин кучерявый,
И сразу даже не поймёшь,
Что некому накрыть поляну.

Глядишь на облачную тень,
Скользящую ячменной нивой,
И просто мыслишь дребедень,
И просто думаешь о пиве.

О самогоне, о вине,
О том, что пьют сейчас другие —
И вот уж счастливы оне!
А дни есть всякие в России.

* * *

Закончился вечер весенний,
Закат перестал полыхать —
Уставшее царство растений
Решает немножко поспать.

А ты, как Раневская прежде,
С потоками правильных слов,
В подчёркнуто-скромной одежде
Всё бродишь среди белых цветов.

Всё бродишь среди бедных растений,
Пытаешься им втолковать,
Что садик цветущий, весенний
И домик решила продать.

Ты им говоришь — будет скверно,
Хозяин прижимист и крут,
Ты им говоришь, что наверно
Сад срубят и домик снесут.

Молчат все четырнадцать вишен,
Лишь гравия слушают хруст,
Молчит, невниманьем обижен,
Смородины маленький куст.

Пусть пьесы они не смотрели,
Пусть их неширок кругозор,
Но в зимние злые метели
Увидит их внутренний взор —

Раневская склонится ниже
И канет в холодную тьму,
Она нужна смерти в Париже,
Они без неё — никому.

* * *

Мир постсоветский печален и сер,
Есть лишь окошко,
 есть вечер осенний,
Чахленький скверик из СССР,
Сильно помятые жизнью растенья.

Сядь у окошка, с тоской наблюдай
За незатейливой этой картиной,
Пусть это всё непохоже на рай,
Вспомни —
 здесь жизни прошла половина.

Вспомни прекрасные эти года,
Вспомни счастливые эти мгновенья,

Вспомни, как клялся ты, что никогда
Социализм
 не подвергнешь сомнению.

Чем наградили сомненья тебя?
Только разрушили мир совершенный.
Долго сидишь у окошка, скорбя,
Долго грустишь
 о советской вселенной.

Солнце садится. Спокойно вокруг.
Благостен мир обречённый, осенний.
Социализм — твой единственный друг,
Твой и раздавленных
 жизнью растений.

* * *

Мир буржуйский
 предо мной бездушный.
И, наверно, это потому
Я с моим народом простодушным
В нём иду стремительно ко дну.

Мир буржуйский
 предо мной бездушный.
И, в смятении вглядываясь в тьму,
Я веду о нём дневник ненужный,
Прежде чем отправиться ко сну.

Во дворе —
 моральные уроды
С девками садятся в кадиллак.
Надо мною мир смыкает годы.
Я — никто,
И звать меня — никак...

* * *

Пусто поле. Злобен ветер.
Затуманен лунный лик.
Позабыв про всё на свете
Ходит пьяненький мужик.

Что он бродит? Что он ищет?
Непонятно самому.
Над Россией ветер свищет.
Блещет звёздочка ему.

Русской тройкой мчит столетье.
Блещет красная звезда.
Кулаком грозит планете
Он без всякого стыда.

Погрозивши, прекращает,
Начинает пить опять.
Он по Сталину скучает,
И не может перестать.

* * *

Когда печальнейшая сила
Русь уносила в мир иной,
Душа советская просила
О доле мирной и простой.

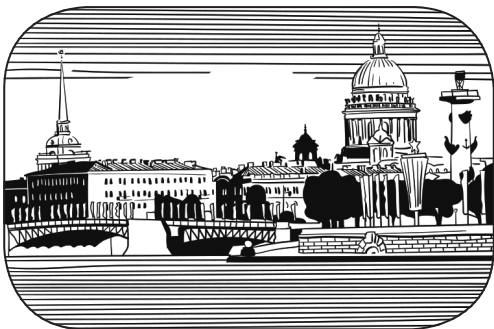
Но доли мирной и прекрасной
Премудрый бог душе не дал.
Взамен поэзии опасный
Смертельный дар в уста влагал.

И жизнь моя переменялась,
Балкон Кшесинской стал моим,
И пролетарии толпились,
Подвластные речам простым.

И олигархов тьма рыдала —
Мне это было по плечу,
И револьвера мне хватало,
Чтоб жизни их прибить свечу.

Я забивал их многократно
За их сгубивший Русь обман,
Я порицал неоднократно
Контрреволюции дурман.

Тяжка поэта злая доля —
В печальный для России миг
Я бил буржуев поневоле.
Бил. И насаживал на штык.

БАЛЛАДА О ПЕРВОМАЕ

Начало питерского дня,
Как первомайский стяг, блистало.
Начало мучило меня,
Но ничего не предвещало.

И град громаднейший блистал
Флотилией, заводом, храмом...
О прошлом град напоминал
Своим блистанием упрямым!

А солнце с седеньких небес
О ярких русских днях блистало!
А Православье всё окрест
Гудящим звоном занимало!

И строй колонн наискосок
Пересекла толпа девичья,
Как будто юности намёк
На пролетарское величье!

И было нечто от богинь
В молодых сияющих девицах!
Раз в их глазах сияла синь,
Привычная на русских лицах!

И это было, как урок,
Противоядие от фальши!
Как комсомольский их намёк
На то, что с Русью будет дальше.

И долго я смотрел вокруг
На русских дев такую стаю,
Что даже испытал испуг,
Перекрестясь от Первомая!

ПРОЛЕТАРСКИЙ ПЕВЕЦ

Восстанья нет, ведь нет поэта,
Который бы сумел воспеть
Знамёна пламенного цвета,
Литавр блистающую медь.

Вдруг из аллеи, где темнеют
Сплетенья буржуазных пар,
Бомж, что на солнце срам свой греет,
Взрывает «Разиным» бульвар.

Так, не дождавшись дирижёра,
Скрипач, вдруг ставший сам собой,
Не побоявшийся позора,
Сражает зал своей игрой.

И пусть фальшивит пролетарий,
И пусть привстал настороже,
Но вы же слушаете, твари,
Певца в печальном неглиже.

Ведь нет поэта — и орёт он,
Буржуям правду за него,
Бесправием своим измотан
И беспощаден оттого.

* * *

Гордо над банькою реет
Старый замызганный флаг:
Ткани кусочек краснеет,
Как независимый знак.

Из полинявшей рубахи
Я его выкроил сам,
Я его радостным взмахом
Поднял к родным небесам.

Нет на нём грешных отметин,
Нет в нём измены стране,
Миру всему был известен,
Дорог теперь только мне.

Ветер встречая жестокий,
Реет над банькой простой,
В чём-то, как я, одинокий,
В чём-то, как я, он смешной.

Это мой знак сокровенный
В том, что я сам по себе
Снова в Советской Вселенной
В проклятой Богом судьбе.

* * *

Завод наш оборонный
Который год закрыт.
Внутри одни вороны
Да я, советский жид.

В цехах не видно света,
Пустынно в проходной,
В котельных до рассвета
Вороний грай глухой.

И чтоб унять кошмары,
Советский строй вернуть,
Мы примем, кочегары-
Товарищи, на грудь.

* * *

Мы долго бродим средь потёмок,
Прекрасен старый сад вокруг;
И голос твой высок и звонок,
Мой школьный, мой старинный друг.

И наша молодость нетленна,
И Блока вновь читаешь ты,
И возвращаются мгновенно
Революционные мечты.

Но грустно как перед рассветом!
Вновь оборваться должен сон:
Я на советском свете этом
Живу — проснусь уже на том.

* * *

Весь февраль хозяйский старый,
Повидавший виды пёс
Доводил нас до кошмаров,
Доводил до горьких слёз.
Лаял, лаял на окрестность
В темноту, за часом час,
Словно чуял — неизвестность
Опечалит скоро нас.
В конуру вбежав родную,
Укрепив солдатский дух,
Занимал передовую
И терзал наш тонкий слух.
И трещал, трещал над нами,
Прогоняя вражий строй,
До утра очередями
Лай отрывистый, глухой.

*Ночь, улица, фонарь, аптека,
Бессмысленный и тусклый свет.*

Александр Блок

* * *

Улица. Город. Рассвет.
Зрелище, полное скуки.
Пиво в бутылке. Пакет.
Существования муки.

Нету вокруг никого,
Кто бы почувствовал остро
Созданный для одного
Существования остров.

Скорбно плетёшься сквозь свой
Свыше ниспосланный город,
Всей отвергая душой
Существования холод.

* * *

Неопрятен, нечёсан, небрит,
Пьян, как правило, полумертвецки
Тырит всё пролетарский пиит,
Чтобы выпить потом по-советски.

Что Союз не воротится вдруг,
Что Россия с Голгофою схожа,
Это всё понимает мой друг.
Понимает и пьёт. Ну так что же.

* * *

Проникнет солнце в белый ад,
В снегов холодное пространство,
Изменит морга постоянство,
Даст смерти новое убранство:
Достойный дорогой наряд.
И вспыхнут вдруг, и заблестят
Сияньем радостным и дерзким
Поля, дороги, перелески —
И жизни мёртвые отрезки
Со мною вдруг заговорят.

* * *

Обычный серенький рассвет,
Последняя звезда.
Ночь без особенных примет
Уходит в никуда,
И день обычный настаёт,
Заботы и дела...

Вот так и жизнь моя пройдёт...
Да нет — уже прошла...

* * *

Дождь бился в окна закрытые,
С клёнов летели листья,
Что-то большое, безликое
Приобретало черты.

Вслед за листьями усталыми
Снег повалил не спеша,
И, не справляясь с печальями,
Похолодела душа.

* * *

*Нет правды на земле,
Но правды нет — и выше...*

Александр Пушкин

Друзья-поэты помирают.
Вчера — писал.
Сегодня — помер.
Вергилий братьев принимает,
Порядковый присвоив номер.

Проводит по промзоне ада
Колонну братьев окрылённых,
Среди костров, бараков, чада —
В ромашку и в звезду влюблённых.

Повсюду черти, черти, черти,
Костры, безумие, проклятья...
Как замечательно — поверьте —
Мы жили раньше, други-братья!

Как замечательно мы жили
В раю ромашек и созвездий,
Пером мгновения ловили,
Не помышляли о возмездье.

И вот пришло оно — возмездье
За нашу детскую гордыню.
Гордись оказанною честью
Согласно премиям и чину!

Наш мир теперь — барак и вечность,
Костры, безумие, проклятья...
Лишь редко-редко Путь наш Млечный
Блеснёт во снах, о други-братья...

КО ДНЮ ФСБ

Под пламенным клёном печальным
Средь русских печальнейших дней
Сидит КаГЭБэшник brutalный
На старой скамейке своей.

Сидит. На Отчизну взирает
Со старой скамейки своей
И службу свою вспоминает
В течение дней и ночей.

Сидит он на старой скамейке,
Глядит он на сквера уют.
Нарядные, как канарейки,
Буржуйки по скверу идут.

Их много! Их целая сотня!
И каждая — модный типаж!
Ему не удастся сегодня
Зарыть их в любимый пейзаж!

Советской империи думы
Покоя ему не дают.
Сидит КаГЭБэшник угрюмый,
Буржуйки вальяжно идут.

* * *

Ленин битый средь Родины спит.
Успокоился ветер-проказник.
Прикорнувший на лавке пиит
Погружается
 в собственный праздник.

Ах, какой замечательный сон!
Ах, как славно
 в прекрасном подпитии
Представлять,
 что в Инессу влюблён,
Что свершил
 новой жизни открытие,
Что пред грозным
 царём не робел,
Что, став первым
 рабочим мессией,
Принял подлюю пулю в удел
И прекрасную смерть за Россию.

...Вплоть до солнечных
 первых лучей
Он венец бунтаря примеряет,
И бетонною дланью своей
Ленин пьяницу благословляет.

* * *

Я горестным фактом в лицо не гляжу,
В военной фуражке отцовской,
Как в детстве,
 Советский Союз сторожу
С большой деревянной винтовкой.

Пусть спросит меня любовь жизни моей
Заботливо и с состраданием,
С игрушкой зачем я стою у дверей
И в поле гляжу со вниманием.

Отвечу, что снова Союз за спиной,
Всё та же шестая часть света,
Что руки сжимают приклад боевой
С заката опять до рассвета.

Что места сомнениям тягостным нет
В воспрянувшем чудом сознании,
Что снова сияет над Родиной свет
Кремлёвской рубиновой гранью.

Пусть дети играют на нашем лугу,
Пусть бабы сажают морковь,
Я твёрдо уверен — Союз сберегу,
И крепко сжимаю винтовку.

* * *

Никто никого не услышал!
Никто не усвоил урок...
А выпал на русские крыши
Прекраснейший русский снежок!

И стало на улицах чисто,
И всё повторилось с утра:
Предателей кончив, чекисты
Ведут на допрос буржуа.

* * *

В перевёрнутой чаше небес
Рдеют СССР облака.
Недвижима округа окрест,
Недвижима большая река.

И припомнив Советский свой рай,
И забыв этот тягостный век,
Улыбается вдруг невзначай
Несоветский уже человек.

* * *

Весна. Холодный мелкий дождик.
Парк. Клумба. Белые цветы.
Напьюсь сегодня, как сапожник,
Из-за вот этой красоты.

Ведь можно только очень пьяным
Хоть как-то разумом объять
Весну, холодный дождик странный
И лепестков нарциссов гладь.

* * *

Удивительно синее небо,
Удивительно красный закат,
Даже волны реки на потребу
Праздной публике ярко блещут.

Перед нами советские дали,
И несёт нас всё дальше с тобой
В красный мир, без тоски, без печали,
Пароходик советский, смешной.

* * *

Сиянье солнечного света.
Сакральный парк родной земли.
Два русских пьяненьких поэта
К России-матушке пришли.

И миновавши карусели,
И миновавши ряд ларьков,
Скамейку выбрали и сели
У ряда чахленьких кустов.

Гремели песенки простые.
Прохладный в спины дул борей.
Прохладно матушка Россия
Своих встречала сыновей.

Им стало ясно: их не ждали.
Они поднялись и пошли.
Практически их обсмеяли
Со всех концов родной земли.

Бредёт старик на рыбный рынок.
Георгий Иванов

* * *

Выхожу в буржуазный свой город,
Покидаю советский свой дом,
Да, ребята, я очень немолод,
Но ведь раньше я молод был в нём!

Мне Советский Союз не вернуть.
Жизнь прошла,
 как в советском романсе.
Но я принял сто граммов на грудь
И иду, как в советском Провансе.

И как будто в советском году
(Как я счастлив был! Как я был молод!)
В магазин за добавкой иду,
А буржуи покинули город.

* * *

Скорбная сказка лесов,
Грустная повесть небес
Словно явились из снов,
Чтобы воскреснуть окрест.

Сколько до них не бреди,
Ты всё равно не дойдёшь.
Эта печаль впереди
Так же, как зимняя дрожь.

Меркнет родимый мой край,
Строго его не суди.
Только родных ожидай.
Только родимую жди.

* * *

Жил попугайчик в дому у меня —
Умер от старости третьего дня.

Скоро придётся и мне помирать —
Оком тарашить, соплю вытирать.

Было грядущее мне невдомёк,
Но попугай преподавал мне урок.

И перед тем, как ложиться в кровать,
Оком тарашить, соплю вытирать,

Вижу я меркнувший птичий глазок,
Лапки поджатые, пёрышек клок.

* * *

Печальная пони больших городов
Катает мальчишку
в пылающем парке.

Мальчишка смеётся.

Мальчишка здоров.

И пони здорова. На улице жарко.

Но мальчик, волнуясь, уже прочитал
Про Щорса, про Фрунзе,
про славные годы.

Он больше не мальчик.

Ведь он возмужал,

Услышав раскаты грядущей свободы.

И вновь революцией русской полны
И парк новорусский,
 и мальчик, и пони,
И кружатся листья
 гражданской войны,
И просится шашка
 мальчишке в ладони.

И чудится новое в ярких штрихах,
Оно сквозь листву пробивается густо.
Всё то, что являлось
 мальчишке во снах,
Разбросано правды
 рукой безыскусной.

И парк на глазах изменяется вдруг,
Становится правда
 реальной до дрожи,
И пони — единственный
 преданный друг
Мгновенья грядущего чувствует тоже.

Повсюду разбросаны щедро они,
Танцуют у пони прыгучие ноги,
Как будто бы пони
 сквозь мирные дни
Копытцами бьёт фронтовые дороги.

ПРОИСШЕСТВИЕ В ГОРОДСКОМ ПАРКЕ

Щегол кричал тревожно, сиротливо
В пространстве дерева большого,
А дерево казалось миром,
Единственным надёжным кровом.

А я просил его остаться,
Не рваться бешено наружу,
Ведь глупо было так стараться,
Снаружи было только хуже.

И он умолк, и он остался
В пространстве дерева осеннем,
Не пел, не плакал, не смеялся,
А просто проживал мгновенья.

Сидел на длинной чёрной ветке,
Косился на меня упорно,
И я товарищу по клетке
Купил ведёрочко попкорна.

* * *

Сразу за полночь в спальне моей,
Растревожив всю душу мне начисто,
Кто-то крутит былых моих дней
Киноленту без звука и качества.

И опять мне одиннадцать лет,
И иду по Кремлю я с мамашею,
И во что-то смешное одет,
Неопрятное, виды видавшее.

Нестерпимы столицы черты:
Чудо-колокол, пушка и прочее,
Мавзолей неземной красоты,
Иностранцы до шуток охочие.

И исчезнуть бы напрочь, совсем,
От постыдной одежды не маяться,
Стать воробушкой, щепкой, ничем,
И рвануться, от боли избавиться.

А рванусь — надо мной потолок
Гробовою доскою некрашеной,
И рисунок на фоне досок —
Кремль — беззвёздный
уже и безбашенный.

* * *

Воспитанный мамою властной,
Ноктюрны Шопена играл,
Но как-то зимою ненастной
Работать в литейку попал.

Попал... Поглядел... Изумился
Рабочим, печам, проходной,
Пить быстренько спирт научился,
Проточной разбавив водой.

Но сколько ни пил — было мало,
Ведь с каждым палящим глотком
Рапсодия Маркса звучала
И крепла в сознании моём.

Ведь понял, что я — пролетарий,
Что мне невозможно никак
В сегодняшнем русском кошмаре
Не веровать в мощный кулак.

Ведь стиснул кулак тот нещадно,
Ведь что-то кричал невпопад,
Ведь ненавистью беспощадной
К врагам полыхал гневный взгляд.

Ведь так же, как парни другие,
Среди заводских этих стен,
Я понял, что Маркс для России —
Карл Маркс, а не Фридрих Шопен.

* * *

Шестым каким-то чувством,
Мне распиравшим грудь,
Я постигал искусство,
Я пролагал свой путь.

Пикассо эпатажи
Понятны стали мне,
Поленова пейзажи
Понятнее вдвойне.

Но прошептало чувство
В победный краткий миг:
Вся жизнь вокруг — искусство,
Его ты не постиг.

И я постиг Россию,
Ведь чувствовал вокруг
Я русскую стихию
Веселия и мук.

И стало мне понятно,
Я русский почему.
За это, вероятно,
И попаду в тюрьму.

* * *

И снова чёрная аллея
Покорно ждёт зимы приход,
И снова мучаясь, робея,
Брожу я ночи напролёт.

Душа предчувствием объята
Печальных близких перемен,
Темна аллея и горбата,
И сладок страшных мыслей плен.

Пора уже угомониться,
Пора со страхом не играть,
Но наважденье длится, длится,
И с ним я не могу порвать

И облетевшею аллеей
До снега первого брожу,
Прощаюсь с осенью своею,
Которой я не дорожу.

* * *

Озадаченный вопросом,
Я по комнате хожу,
Воздух втягиваю носом,
В книжку детскую гляжу.

Не любовь, не чертовщина,
Не коньяк, чёрт побери,
Озадачила картина
В сказке Сент-Экзюпери.

С виду просто: мальчик, роза
И ещё чего-то там,
А взглянул, и сразу — слёзы,
А в душе — сплошной бедлам.

Зря я в детстве эту книжку
Сотню раз перечитал,
Представлял себя мальчишкой,
Розу рядом представлял.

Лишь увидел вновь случайно
Эту розу — сам не рад, —
Сказки маленькая тайна
Озадачила стократ.

И с бедой такой поделать
Ничего я не могу,
Эта роза — просто мелочь,
Что я в сердце берегу.

* * *

Я был любознательным малым:
Я рос средь дворов и синиц,
В советские верил кварталы
И в притчи причудливых лиц.

Мне город дарил настроенье,
Мне город дарил идеал,
Заводы его и строенья
Я домом вторым называл.

Я с видом слегка удивлённым
Вступал в этот правильный дом,
Был каждым соседским балконом
И каждым лицом открытён.

И это России начало,
И это России тепло
Зерном в мою душу запало,
А словом потом уж вошло.

ИСХОД

Буржуйским дням потерян счёт!
Какое скорбное начало!
Какой пророческий исход
России небо в дар послало!

Бредёт советский караван
Ниспосланной с небес дорогой.
Бредёт поэт, немного пьян.
И весело ему немного.

Спасает душу алкоголь!
Сознание спасенья ищет.
Ему патруль доставит боль
И к размышленьям много пищи.

ВЕЩИ

Когда в час последний
в смертельную замять
Летит человечья уставшая память,
То видит дороги, заводы, плотины,
То видит дома, гаражи, магазины.

Всё то, где работали, то, что создали,
Всё то, чему имя привычное дали.
Ведь даже та кофта, что бабушку греет,
Напомнить ей много
в час смертный сумеет.

Бок о бок живём мы: и люди, и вещи
Со связью таинственной,
древней и вещей.
Мы связаны вместе миллионами нитей,
Сквозь вещи вокруг
проступают события.

Свой путь прозреваем
сквозь них осторожно,
Ведь вещи для нас —
это просто возможность,
Чтоб дома иль в космоса чёрной дали
Себя человеком назвать мы смогли.

* * *

А дождь всё лил и лил,
И был весьма зануден,
Но я себе твердил,
Что он прекрасен, чуден.

Ведь в звоне той воды
По законной жести
Не чуял я беды,
Он был правдив, божествен.

Ведь дождика рассказ
О том, о сём, об этом
Подобен был сейчас
Господнему Завету.

Ведь выпала мне честь
В тех каплях, что звучали,
По-своему учесть
Создателя скрижали.

И замереть, и вдруг
Проснувшимся сознанием
Почувствовать вокруг
Основы мирозданья.

* * *

Люблю бродить я по бульвару,
Когда он сумраком объят,
И слушать песни под гитару
Слегка подвыпивших ребят.

Но в бедной юности ни разу
Я не бродил здесь допоздна,
Боялся песен тех, как сглазу,
Боялся сладкого вина.

Скучал над книгой в уголочке,
Ложился рано почивать,
Считал — важней, важней, и точка,
О смысле жизни размышлять.

Но жизни смысл мне не открылся,
И юность сгинула давно,
И, как в печаль, я погрузился
В грузино-крепкое вино.

Теперь брожу я по бульвару,
Когда он сумраком объят,
И песни юных под гитару
Со мной о прошлом говорят.

* * *

Всё Рождество на мой порог
И на крыльцо моё простое
Летел проказливый снежок,
А я сметал его рукою.

А из экранных новостей,
А со страниц газеток пошлых
Людишки подленьких мастей
Плели о нехорошем прошлом.

А то была моя же Русь,
Родная и зимой и летом,
Она есенинскую грусть
Звала к перчаткам и штиблетам.

Померкнул ясный божий свет,
Замедлил снег своё паденье,
Я на крылечке без штиблет
Сметаю это же мгновенье.

* * *

Вот образ печальный и смутный:
Сгорающий клён на ветру
Октябрьским томительным утром,
Как красная смерть на миру.

С поникнувших веток не листья —
Стихи обречённо летят,
Неделя, другая — речистый
Закончится вдруг листопад.

Закончится он непременно,
И скоро средь белых равнин
Останется клён во Вселенной
Со смертью один на один.

* * *

Вот птицы кричат
 в низком небе родном,
Кричат так, как мне и не снилось,
И стало так горестно над городком,
Как будто беда приключилась.

Вот птицы собираются к югу лететь,
И, глядя на них, рассуждаю:
Мне так, как они, закричать не сумею,
Хоть с Родины я отъезжаю.

Мне так, как они, никогда не взлететь,
А после земли не коснуться,
Мне в чуждом краю суждено умереть,
И лишь после смерти вернуться.

* * *

Прекрасные русские дали,
Печальные чуть облака
В вагонном окошке сияли
И мне улыбались слегка.

И я, прислонившись к окошку
Большой электрички пустой,
Мечтал, что лечу понемножку
Над ставшею раем землёй.

И знать не хотел, что прибудет
Состав на привычный вокзал,
Что грешный рассудок забудет,
Как в светлом раю побывал.

Но выйду я в хмурое утро
На грязный и пошлый перрон
Суров и спокоен, как будто
Живёт во мне Божий закон.

* * *

Над стареньким грустным прудом,
Над старенькой грустной скворешней
Взмахнул разноцветным крылом
Закат невозможный, нездешний.

Ему было вовсе не лень
Ярчайших цветов переливами
Заставить обычный день
Сиять над поникшими ивами.

И я, на него поглядев,
Поверив его обещаниям,
Пошёл побродить средь деревьев,
Томимый неясным желанием.

Сгущалась вечерняя мгла,
Природа со мной говорила,
И сердце мне разорвала
Осенняя грустная сила.

* * *

Холодный скучный дождь,
 размеренный, понурый,
Над рощею висит который уже час,
Он красит весь Кавказ
 в любимый цвет свой бурый,
Рекомендуя жизнь
 без всяческих прикрас.

Он с лиственных кустов
 смывает яркий глянец,
И мир вдруг предстаёт
 в тоскливой наготе,
И седенький рассвет,
 утративший румянец,
Уже не говорит о вечной красоте.

Пускай о чём-то мнит
 кавказская натура,
Но разом всё прозрев,
 я прячу на груди
Кавказ, как красный лист,
 и вдаль шагаю хмуро,
Кавказ на сердце лёг
 и манит впереди.

* * *

Моей юности

Печальный дом.
Печальных комнат мгла.
Старинный сад причудливый
и странный.
Здесь юность моя буйно процвела
Под чудной липой щедрою и пряной.

Чрез столько лет!
Чрез столько долгих дней!
Презревши века нынешнего
плоскость,
Я вижу вновь сад юности моей,
Дворянский дом и сталинскую
косность...

...Струится липы мягкий аромат
В закат краснознамённый надо мною.
Каким-то общим местом стал мой сад!
С неуловимой в забытье душою.

* * *

Однажды мы пили в Союзе
Обычное наше вино,
И вдруг постучала к нам муза
В открытое наше окно.

Оставив вино, из Союза
Смотрели мы в наше окно.
Стучала, действительно, муза,
Хотя уже было темно.

Стучала, действительно, муза,
Её мы узнали тотчас,
Потом на пирушку Союза
Её пригласили, смеясь.

В ответ она долго махала
Красивой своею рукой,
А после стояла, молчала,
Ведь час был порочный, ночной.

А после в глаза нам глядела,
Как будто хотела сказать —
Зачем о России несмело
Пытаемся что-то писать?

А после она повернулась,
Исчезла в ночной темноте,
А после в нас что-то проснулось,
А после мы стали не те.

А после сидели в Союзе
И полировали вином
Стихи о сомнительной музе
За нашим дурацким окном.

* * *

В сорок был
 в символистов влюблённым,
И писал, как не пишет никто.
В пятьдесят — старомодным и томным,
И носил дорогое пальто.

В шестьдесят вспомнил
 вновь о стихатах,
Вновь пытался свой дар воскрешать.
Бодрым старцем, презревшим утраты,
Вдоль Парнаса картинно шагать...

...Впрочем было в одном из творений
Две иль три (может более) строк.

Он и сам их читать без волнения
В одиночестве гордом не мог.

Он и впрямь их читал. Поражался.
Что-то страшное в них находил.
До беспамьтства вновь напивался,
Вспомнив трепет божественных крыл.

Утром тяга к вину проходила.
Та же жизнь. Та же грусть. И кровать.
Но по-прежнему что-то томило.
Но ведь к этому не привыкать.

ДРУГИЕ

Пишу. Стараюсь. Сочиняю.
Другую правду прозреваю.
Ведь на меня сквозь строчек ряд
Детишки русские глядят.

Другие русские. Другие
Сейчас живут среди бела дня.
К ним дни приходят роковые,
Кровавый бред в себе тая.

К ним дни приходят роковые.
А мой, скажу, не блещет стих.
Но русский стих – кусок России.
Сейчас такой России штрих.

Печальный штрих. Кому он нужен?
А пристаёт ко мне и к ним...
И слаб, и грязен, и недужен,
А дорог именно таким...

*На картину Василия Сурикова
«Взятие снежного городка»*

* * *

Холод. Ветер. Пустынные дали.
Беспощадный безжизненный свет.
Умерев, мы узнаем едва ли,
Что на свете нас более нет.

Что за русское наше страданье
За мгновенья любви и стыда
Мы получим вот это мерцанье
Страшных звёзд из небесного льда.

Холод. Ветер. Пространства пустые.
Снег по пояс. Теперь навсегда.
И всё та же родная Россия!
Вся из света, из снега и льда.

* * *

Скорбь скамеек. Безмолвие парка.
Стайка школьниц. Звезда. Небосвод.
Скверной водки десятая чарка
Либерала домой поведёт.

Он напился опять до упада,
Проклиная Советский Союз,
И свалился который раз кряду
Он в объятья отеческих муз.

* * *

Звезда сияет. Шепчет муза.
Жизнь продолжается опять.
И на развалинах Союза
Поэт не может не писать.

Он сочиняет о равнинах,
Снежком присыпанных слегка,
Мечтательный, как Буратино,
И нет ведь спроса с дурака.

* * *

Бомжова желанья истома
Рассудок гнетёт иногда —
Убресть потихоньку из дома,
Сокрыться от всех навсегда.

И в рубище диком, убогом,
Презрев и жену, и друзей,
Подолгу беседовать с Богом
Без очень приличных людей.

* * *

Среди ниспосланного дня,
Среди картин его прекрасных
Вдруг Слово выудит меня
Каким-то образом ужасным.

Да где же мой надёжный дом,
Где б я укрылся от напасти?
Я — рыбка в небе голубом,
Литературная отчасти.

* * *

Всю ночь сидел задумчив Фет
И гладил бороду ладонью,
Он был в нарядный фрак одет,
Как призрак мне не посторонний.

Он постоянно вопрошал
Меня про новые предметы.
Вниманья я не обращал,
Он странно хмурился при этом.

Да что мне Афанасий Фет,
Помещик, скупердяй, зараза.
Да он был вычурный поэт!
Как дома из Китая ваза.

Сейчас пройдёт ночная жуть!
Она томит перед рассветом.
Как дальше жить? Да как-нибудь
Переживу всех рядом с Фетом...

* * *

Брёл и брёл по Руси бесноватой.
Брёл по сталинской мёртвой стране.
Брёл и брёл. И поэтовы латы
Донкихотски блистали на мне.

Ночь тиха. Месяц реял зловещий.
Брёл Россией. «Двенадцать» читал.
Путь мой, тот,
 что был Блоком завещан,
Петроградской брусчаткой блистал.

И крутились, как мельницы, зданья.
И прохожие — как упыри.
И шептало печально сознание
Про печальные годы мои.

Брёл и брёл по Руси бесноватой.
Брёл сквозь строй
 вражьих мельниц чужих.
И поэтовы битые латы
Не скрывали ранений моих.

* * *

Восторг написанных страниц
Вначале был неопишум, —
Я даже вроде падал ниц,
Как будто женщиной целуем.

Но вот очнулся — я один,
Есть у меня диван и кошка,
Есть тапки, вилка, миска, ложка...
Для одиноких именин.

* * *

Идей марксистских мишура
Сгорела в мировом пожаре.
Россия та ж, что до Петра —
Купцы, холопы и бояре.

Нас никому не изменить.
Всё это вбили в нас навечно.
Мы будем пьянствовать и ныть,
Что наша Русь бесчеловечна.

* * *

Обречённый прозреть и сказать,
Я сказал лишь про зло мировое.
Обречённый навек замолчать,
Я навеки лишился покоя.

И с тех пор, как Ильюша, сижу
На печи посредине России.
На Россию безмолвно гляжу,
И на скорби её мировые.

* * *

Был Царьград, а стал Стамбул,
Были греки да пропали.
Был на кухне венский стул,
А потом его украли.

Если я исчезну вдруг
Так же осенью дождливой,
Обыватели вокруг
Станут чуточку счастливей.

* * *

Комната, ночь и четыре поэта.
Стол и бутылка вина.
Злые потоки холодного света.
Яркая, злая луна.

Вот Передреев,
 склонённый над книгой,
Чуть захмелевший Рубцов,
Праведный Прасолов с думою тихой,
А во главе — Кузнецов.

Скорбно и тихо. Ни слова, ни вздоха.
Блещет луны циферблат.
Плохо России, и им в раю плохо.
Молча поэты сидят.

Комната, ночь и четыре поэта.
Стол и бутылка вина.
Не о чем им говорить с того света,
Если на этом страна.

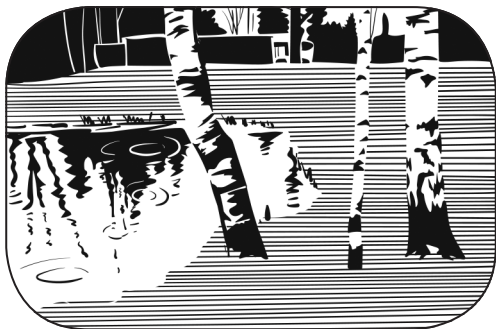
* * *

На облачке, прямо над рощей,
Рубцов, свесив ножки, сидит.
Читает из книжечки тощей,
Приняв поучительный вид.

Поэзии друг настоящий,
На старого дуба сучок
И я сажусь, ножки поджавши,
И слушаю грустный стишок.

И мне хорошо с милым другом,
И с милой Россией моей.
Бутылка гуляет по кругу,
И речи мои всё смелей.

И весело мне до упада,
И мне веселей уж не стать.
Нам, Коля, смеяться не надо,
Так можно на землю упасть

* * *

Небосвод прекрасен, чист,
Осень празднична, прекрасна,
Но летит железный лист,
Громяхающий ужасно.

Пролетел, а я за ним,
Сквозь кустов и трав сплетенье,
Озадаченный таким
Непонятым поведением.

Через несколько минут
Наш беспаспортный бродяга,
Обнаружив старый пруд
В самой глубине оврага,

Вдруг спикировал с высот
И упал, волну вздымая,
Прямо в сердце сонных вод,
Как диковинка какая.

Что ж, подумал я, ты прав,
Ты обрёл себя отныне,
Чем скучать средь жухлых трав,
Лучше в этой котловине,

В царстве диких, тёмных вод
Стать внушительным и гордым
И в прекрасный небосвод
Ухмыляться ржавой мордой.

* * *

Проспект блестит на шее града
Простонародной красотой.
Уже и улица не рада,
Какой он русский и большой.

И под трамваев перестуки,
И под немолчный гул колёс
Проспект взял улицу на руки
И в номера к себе понёс.

И настезь распахнув окошко,
И формулируя ответ,
И вспомнив молодость немножко,
Смотрел я парочке вослед.

* * *

Размечтавшись о днях,
 что хотел воскресить,
Захватив Диогенов светильник,
Средь чердачного мрака
 сумел различить
Запылённый советский будильник.

Был он ржавчиной тронут.
 И корпус помят.
Но имперской кириллицей гордой
Пролетарский напомнил
 его циферблат
Про железного века когорты.

От толчка он пошёл. Оставался завод
В ржавом сыне железного века.
И открылся мне
 красного времени ход,
Взрыв снаряда и стон человека.

Три минуты, не более. И — тишина.
Сквозь черёмухи в битом оконце
Тянет пальцы ко мне,
 как вампирша, луна
В моём пыльном советском загонце.

СОВЕТСКИЙ ДВОРНИК

Загаженный маленький дворик.
Заснеженный сталинский дом.
Беру поутру я топорик,
Метлу, и лопату, и лом.

Собачье дерьмо, «Мерседесы»,
Раздавленной кошки рагу,
Призывы продажные прессы —
Повсюду в печальном снегу.

И я час за часом, покорно
Всё это скребу и мету,
Трудом возрождая упорным
Советской России мечту.

Загаженный дворик советский
Скребу и мету дотемна.
«Не нужен мне берег турецкий,
И Африка мне не нужна!»

* * *

Снова осень. Грачи улетели.
Облетевший за окнами клён.
Утомляя вторую неделю,
Дует ветер с различных сторон.

И становится чуточку зябко
Истомившимся душам двоим.
Я ведь раньше летал, как оляпка,
По местам потаённым твоим.

Что мне делать? Куда мне податься?
Что, родная, купить тебе к чаю?
Я вернусь, а тебя, может статься,
Я, родная, уже не узнаю.

И сюжеты такие не редки,
Я не клён, я не так закалён,
Мне останутся только соседки,
Что готовят отличный бульон.

* * *

Нежданно-негаданно выпал
Густой отвратительный снег,
Деревья в саду все засыпал
И птиц разогнал на ночлег.

И я посреди снегопада
Стою и печален, и строг,
И думаю — так мне и надо,
Не нужен другой мне итог.

И думаю — с силой нездешней,
Пославшей безжалостный снег,
Поспорить не в силах конечно
Обычный простой человек.

Ведь всей этой злой круговерти
Он нужен лишь только затем,
Чтоб стать только знаком, поверьте,
В одной из её теорем.

Лишь только начертанным знаком,
Сейчас уже стёртым на треть,
Как тряпкой, сгустившимся мраком,
Который всё может стереть.

* * *

Лист падал медленно, прекрасно
В прохладной леса тишине,
И понял я, что смерть всевластна,
Что осень близится ко мне.

И разом прошлого мгновенья
Ожили вдруг. Я видел мать.
И снова школьные волненья
Мешали свежестью дышать.

И снова горестно влюблялся,
И снова пламенно мечтал,
А лист тихонечко вращался,
И всё, что надо возвращал.

...Держал я долго на ладошке
Багряный памяти листок.
Зачем мне память понемножку?
За что мне это на денёк?

СТРАХ И ТРЕПЕТ

Выходишь на прогулку.
Три четверти второго.
Бредёшь по переулку.
И вдруг встречаешь Слово.

Всего одно лишь Слово,
И этот скучный город,
И понимаешь снова,
Что ты уже не молод.

И понимаешь снова,
Привычно стиснув зубы,
Подвластный силе Слова,
Что жизнь пошла на убыль.

(Как будто бы скрижали
Из ветхого из цикла,
Из иудейской дали
Перед тобой возникли).

Всего лишь скучный город,
Всего одно лишь Слово,
А в сердце — страх и холод
И трепет нездоровый.

* * *

Перебрал я, наверное, слишком,
Потому и узрел — под окном
Пляшет, пляшет
 весь вечер мальчишка,
Напевая о чём-то своём.

Пляшет, скинув картуз
 свой старинный,
Растрепав свой блондинистый чуб,
Каблуком по раскиснувшей глине
Бьёт в сердцах, то печален, то груб.

И вдруг свыше меня осенило,
Вдруг открылось мне
 в сердце хмельном —
Сам Есенин молоденький, милый
Пляшет, пляшет сейчас под окном.

Пляшет, пляшет под низким окошком,
Пляшет, видно, в последний свой раз,
Пропадая во тьме понемножку,
Уходя от непляшущих нас...

* * *

О Дельвиге писал наш Александр,
О черепае выласкивал он строки.
Его стиха роскошный палисандр
Пылал узором праведным и строгим.

И я теперь о Родине пишу.
Бумагу пролетарские жгут строки.
Россию я вручил карандашу,
Подобранному на большой дороге.

О, карандаш советских палестин!
Ты пережил советский час державы!
Тебя использовал советский господин
И применил для собственной забавы.

* * *

Я забыл, чем пахнет женщина:
Может тальком и тавотом,
Может детством деревенщины,
Может всем подводным флотом...

И прошу: «Моё Величество,
Ты займись простым вопросом —
Как погаснет электричество,
Наклонись ты над матросом.

Наклонись, моё Величество,
Обнажённой на диване,
Утопив минут количество
В ночь блаженства в океане».

* * *

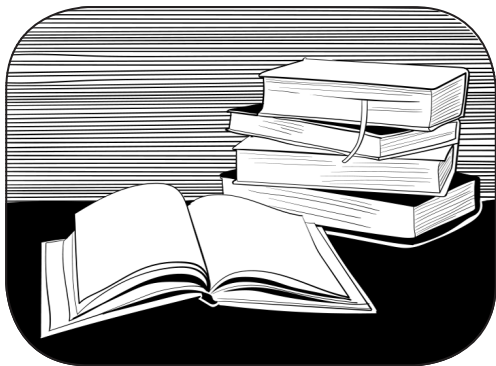
*Посвящается
Владимиру Якушеву*

Когда из последних из сил
Сирень под окном отцветала,
В сирени я сей находил
Томительной грусти начало.

Как в мае бушует сирень!
Мой сад в лепестках небывалых!
Здесь тень от сирени весь день
Сиреневою оставалась.

И было душе тяжело
Примерить венец неизбежный.
Поверить в грядущее зло.
Пролиться слезой безутешной.

Какой замечательный день!
Как маленький Пушкин, пригожий.
В саду отцветает сирень,
Любуется ею прохожий...

* * *

Не хочу ни пить, ни плакать,
Не хочу ни петь, ни спать,
Только русской жизни мякоть
На зубах перетирать.

Пусть и камни, и орехи
Попадают порой —
Это грустные орехи
Нашей жизни непрстой.

СОДЕРЖАНИЕ

Мешковскому дому	7
«Не надо про Гамлета бредни...»	8
«За Лениным вслед повторяю...»	8
«Большие звёзды небосклона...»	9
«Старый набитый дурак...»	9
«Отныне Русь исполнена чудес...»	10
«Никола. Царица. Княжны...»	11
«Сквозь мрак, сквозь свет...»	12
«Дождь режется с прогнившею рамой...»	13
Страх и Книппер.....	14
«Один столичный господин...»	16
«День вызывающе хорош...»	19
«Закончился вечер весенний...»	20
«Мир постсоветский печален и сер...»	22
«Мир буржуйский предо мной бездушный...»	24
«Пусто поле. Злобен ветер...»	25
«Когда печальнейшая сила...»	26
Баллада о Первомае.....	28
Пролетарский певец.....	30
«Гордо над банькою реет...»	31
«Завод наш оборонный...»	32
«Мы долго бродим среди потёмок...»	33
«Весь февраль хозяйский старый...»	34
«Улица. Город. Рассвет...»	35
«Неопрятен, нечёсан, небрит...»	36
«Проникнет солнце в белый ад...»	36
«Обычный серенький рассвет...»	37
«Дождь бился в окна закрытые...»	37
«Друзья-поэты помирают...»	38
«Ночь Рождества двухтысячного года...»	40
Ко Дню ФСБ	41
«Ленин битый среди Родины спит...»	42

«Я горестным фактом в лицо не гляжу...»	43
«Никто никого не услышал!..»	44
«В перевёрнутой чаше небес...»	44
«Весна. Холодный мелкий дождик...»	45
«Удивительно синее небо...»	45
«Сиянье солнечного света...»	46
«Выхожу в буржуазный свой город...»	47
«Скорбная сказка лесов...»	48
«Жил попугайчик в доме у меня...»	49
«Печальная пони больших городов...»	50
Происшествие в городском парке	52
«Сразу за полночь в спальне моей...»	53
«Воспитанный мамою властной...»	54
«Шестым каким-то чувством...»	56
«И снова чёрная аллея...»	57
«Озадаченный вопросом...»	58
«Я был любознательным малым...»	60
Исход	61
Вещи	62
«А дождь всё лил и лил...»	63
«Люблю бродить я по бульвару...»	64
«Всё Рождество на мой порог...»	65
«Вот образ печальный и смутный...»	66
«Вот птицы кричат в низком небе родном...»	67
«Прекрасные русские дали...»	68
«Над стареньким грустным прудом...»	71
«Холодный скучный дождь, размеренный, понурый...»	72
«Печальный дом...»	73
«Однажды мы пили в Союзе...»	74
«В сорок был в символистов влюблённым...»	76
Другие	78
«Холод. Ветер. Пустынные дали...»	79

«Скорбь скамеек. Безмолвие парка...».....	80
«Звезда сияет. Шепчет муза...»	80
«Бомжова желанья истома...»	81
«Среди ниспосланного дня...».....	81
«Пустой осенний лес...»	82
«Всю ночь сидел задумчив Фет...».....	83
«Последний лист под сильною ногой...»	84
«Брёл и брёл по Руси бесноватой...»	85
«Восторг написанных страниц...»	86
«Идей марксистских мишура...»	86
«Обречённый прозреть и сказать...».....	87
«Был Царьград, а стал Стамбул...».....	87
«Комната, ночь и четыре поэта...»	88
«На облачке, прямо над рощей...».....	89
«Небосвод прекрасен, чист...».....	90
«Проспект блестит на шее града...».....	92
«Пить простое и крепкое пиво...».....	93
«Пусть стёрлась из памяти красная дата...».....	94
«Размечтавшись о днях, что хотел воскресить...»	97
Советский дворник.....	98
«Снова осень. Грачи улетели...».....	99
«Нежданно-негаданно выпал...»	100
«Лист падал медленно, прекрасно...».....	101
Страх и трепет.....	102
«Перебрал я, наверное, слишком...»	103
«О Дельвиге писал наш Александр...»	104
«Чуть ночь — предстают мне в печальном во сне...».....	105
«Я забыл, чем пахнет женщина...».....	106
«Когда из последних из сил...»	107
«Не хочу ни пить, ни плакать...».....	108

Литературно-художественное издание

Николай ГЛУМОВ

ДОРОГАЯ РОССИЯ...

Автор проекта	<i>В. Якушев</i>
Художник	<i>А. Кутергин</i>
Редактор	<i>В. Якушев</i>
Технический редактор	<i>С. Глорио</i>
Художественный редактор	<i>С. Неведомская</i>

Подписано в печать 09.08.2024 г.
Формат 70х90¹/₃₂. Усл. печ. л. 4,095.
Тираж 200 экз. Заказ № 941.

